

6+ Алексей Калачев

*Сева, Бублик и приключения
в мире машин*

Алексей Калачев
Сева, Бублик и приключения
в мире машин

<https://litres.ru/74401234>

ISBN 9785007109604

Аннотация

Для детей 8—12 лет (особенно мальчиков). Двенадцать историй о любопытстве, дружбе, технике и умении видеть удивительное там, где другие видят просто «железо».

У Севы есть особый дар: он понимает язык машин. Вместе с дедушкой Сашей, папой, мамой и верным псом Бубликом мальчик открывает, что каждый механизм — «живой». Для тех, кто верит, что у всего в мире есть свой голос.

Содержание

Начало	6
Мир на уровне глаз	8
Особый способ видеть мир	9
Скорость и тишина	10
Правила этого мира	11
Приглашение в путешествие	12
Последнее, что важно знать	13
История 1. Гоночное сердце	14
О машинах, которые помнят	14
Болезнь или размышление	16
Мальчик, который боялся проиграть	18
Ночные тени и утренний свет	19
Утро гонки	21
Танец на асфальте	23
Смена колёс и смена взглядов	24
Последний круг	25
Вечер после гонки	26
Словарь для тех, кто хочет понимать машины	28
Задание для думающих механиков	29
История 2. Крылья над облаками	30
О тех, кто мечтает летать	30
Человек, который «на ты» с небом	32
Письмо, которое прилетело с ветром	33

Дорога через лес	34
Самолёт, который не хотел быть музейным экспонатом	36
Разговор о праве летать	37
План, который родился из тишины	38
Возвращение	39
Новая жизнь старых крыльев	40
Словарь неба и земли	41
Задание для тех, кто смотрит в небо	42
История 4. Секрет затонувшего корабля	43
О том, что прячется под водой	43
Находка, которая ждала	45
Человек, который делал корабли для великанов	46
Разговор о глубине	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сева, Бублик и приключения в мире машин

Алексей Калачев

Посвящается моему любознательному сыну

*Обложка и все иллюстрации в книге созданы при помощи
нейросети Kandinsky*

© Алексей Калачев, 2026

ISBN 978-5-0071-0960-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

О мальчике, который разговаривал с машинами

Есть особенное время суток — между закатом и темной ночью, — когда мир становится честнее. Тени удлиняются, звуки затихают, и можно услышать, как день передаёт дежурство ночи. В это время машины перестают притворяться просто железом.

Я узнал об этом от одного мальчика. Его зовут Сева, ему десять лет, и у него есть дар — он слышит и видит то, что другие не замечают. Не потому, что у него особенные глаза или уши. Просто он умеет по-особому смотреть и слушать. Взрослые называют это воображением. Дети знают, что это — внимание.

Сева в определённом смысле супергерой. Потому что делает кое-что важное и очень трудное — понимает. Старую красную машину, которая помнит все свои гонки. Экскаватор, который мечтает строить, а не ломать. Метро, которое дышит, как огромное подземное животное. Воздушного змея, который боится и хочет летать одновременно.

В мастерской скучно не бывает

Мир на уровне глаз

В мире Севы есть удивительные люди. Дедушка Саша, который разговаривает с металлом на «ты» и знает, что каждая гайка имеет своё настроение. Папа, который учит, что самое сложное — это простое. Мама, которая всегда поддержит и обнимет. И Бублик — пёс, который понимает всё, но предпочитает молчать.

Бублик видит мир с высоты носа. Это непривычная людям высота — на ней видны муравьи, спешащие по своим делам, и трещины в асфальте, через которые пробивается трава. На этой высоте чувствуешь запах приближающегося дождя и тепло земли. Может быть, поэтому Бублик мудрее многих людей — он ближе к земле, ближе к сути вещей.

А ещё есть Миша — лучший друг, который хочет быть умным и первым, но учится, что иногда важнее быть рядом. Есть и другие дети, каждый со своим характером, своими страхами и мечтами. И все они, как детали механизма часов, нужны друг другу, чтобы время шло правильно.

Особый способ видеть мир

В этой книге машины — не просто транспорт или инструменты. Они — свидетели и участники жизни. Старая пожарная машина учит молодую различать настоящую беду от ложной тревоги. Эскалатор в метро устаёт не от механической работы, а от тяжести человеческих мыслей. Квадроциклы ведут себя как щенки — радуются приключениям и грустят, когда их забывают.

Это не сказка и не фантастика. Это способ видеть мир. Когда смотришь внимательно, замечаешь: старые вещи действительно хранят тепло рук, которые их касались. Моторы действительно работают лучше, когда с ними обращаются с уважением. Дорога помнит всех, кто по ней прошёл.

Скорость и тишина

Взрослые часто спешат. Быстрее доехать, быстрее сделать, быстрее получить что-то. Сева открыл секрет: самые важные вещи происходят медленно.

Понимание приходит не когда мчишься, а когда останавливаешься. Дружба растёт не от громких слов, а от молчаливой поддержки. Машина раскрывает свои секреты не тому, кто торопится её завести, а тому, кто готов послушать, почему она молчит.

В каждой истории этой книги есть момент остановки. Когда Сева садится и слушает. Когда бабушка слушает и думает. Когда Бублик замирает, уловив неизвестный запах. В эти моменты и происходит главное — рождается понимание.

Правила этого мира

В мире Севы есть свои законы, непохожие на законы физики из учебников:

Сломанное не значит испорченное. Иногда поломка — это способ машины сказать что-то важное.

Третье место может быть победой, если ты понял что-то важное о себе.

Старое не хуже нового — оно просто знает больше историй.

Помощь приходит не от того, кто сильнее, а от того, кто внимательнее и готов помочь.

Самый короткий путь — не всегда прямая линия. Иногда нужно сделать крюк, чтобы понять, куда идёшь.

Приглашение в путешествие

Эта книга — не учебник по технике. Здесь вы не найдёте схем двигателя или инструкций по ремонту. Это книга о другом виде механики — механике понимания. О том, как устроена дружба, из каких деталей собрано доверие, какое топливо нужно мечте.

После каждой истории остановитесь. Прислушайтесь к себе и к тому, что вокруг. Может быть, вы услышите, как урчит эскалатор в торговом центре. Или заметите, что старая машина во дворе не просто ржавеет. Или почувствуете, что ветер не просто дует — он что-то рассказывает.

Мир полон историй. Они прячутся в шуме моторов, в скрипе качелей, в гудении проводов. Сева научился их слышать. Научитесь и вы, а может уже умеете.

А Бублик? Бублик будет рядом. Молчаливый, понимающий, верный. Потому что в каждом путешествии нужен тот, кто идёт рядом и молчит о главном. Собаки умеют молчать правильно — так, что в их молчании слышно больше, чем в словах.

Последнее, что важно знать

Эти истории происходили. Или могли происходить. Или происходят прямо сейчас, пока вы читаете эти строки. В каком-то городе мальчик по имени Сева садится в мастерской деда и слушает, как старый мотор рассказывает о своей молодости. Где-то пёс по имени Бублик принюхивается к ветру и чувствует приближение приключения.

А может быть, этот мальчик — вы. Просто вы ещё об этом не знаете.

Время открыть первую историю. Время научиться слушать машины. Время понять, что мир гораздо живее, чем кажется.

И помните: спешить некуда. Все истории подождут, пока вы будете готовы их услышать.

Где-то загудел мотор. Где-то заскрипела дверь гаража. Где-то мальчик взял в руки гаечный ключ.

История начинается...

История 1. Гоночное сердце

О машинах, которые помнят

Сева сидел в мастерской дедушки Саши и слушал тишину. Это была особенная тишина — полная маленьких звуков: тиканья остывающего металла, вздохов старых инструментов и еле слышного пения ветра в щелях между досками.

В углу стояла машина. Красная, с номером семь на боку. Краска облезла в некоторых местах, обнажая металл цвета старого серебра. Машина молчала уже три дня, и дедушка начинал беспокоиться.

— Она думает, — сказал дедушка, протирая уже чистую деталь. — Иногда машины думают перед важными событиями.

Сева не удивился. В мастерской дедушки многие вещи думали, вспоминали или мечтали. Старый токарный станок в углу, например, часто вспоминал времена, когда вытачивал детали для кораблей. А верстак хранил следы всех ремонтов за сорок лет — царапины, пятна масла, вмятины от молотка — как дневник, написанный без слов.

— А о чём она думает? — спросил Сева, подходя к машине.

— Возможно, о скорости, — дедушка задумчиво посмот-

рел на красный капот. — Или о том, что скорость — это не всегда быстрое движение. Иногда скорость — это умение остановиться вовремя.

Бублик, рыжий пёс — джек-рассел — с философским складом характера, лежал на старом одеяле и смотрел на машину с выражением понимания. У него было своё мнение о скорости: самая правильная скорость — это когда успеваешь заметить интересные запахи по дороге.

Болезнь или размышление

На следующий день машина кашлянула. Это произошло неожиданно — дедушка просто повернул ключ, чтобы проверить зажигание, а она кашлянула. Потом чихнула. Потом замолчала.

— Простудилась? — предположил Сева.

— Или пытается что-то сказать, — дедушка прислушался к мотору. — Знаешь, каждый мотор говорит по-своему. Этот вот, например, старый гоночный мотор. Он помнит времена, когда гонки были не про то, кто быстрее, а про то, кто лучше понимает свою машину.

Папа пришёл вечером, когда солнце уже окрашивало мастерскую в медовый цвет. Он долго слушал мотор, потом сказал:

— Воздушный фильтр. Она не может дышать полной грудью.

— Как человек с насморком, — добавил Сева.

— Или как человек, который забыл, как правильно дышать, — философски заметил папа. — Иногда мы так торопимся, что забываем самые простые вещи.

Они поменяли фильтр. Старый был забит пылью дорог, которые машина проехала за свою долгую жизнь. В этой пыли были частицы разных мест: песок с морского побережья, красная глина с просёлочных дорог, городская пыль с при-

месяю резины и выхлопов.

— Целая география в одном фильтре, — сказал дедушка, бережно заворачивая старый фильтр в газету. — Я сохраню его. Пусть помнит.

Мальчик, который боялся проиграть

Миша — друг Севы — прибежал после обеда. Его лицо было серьёзным, как у человека, несущего важную новость.

— Гоша Петров сказал, что его папа выиграет гонку, — выпалил он. — Сказал, что все остальные машины сломаются.

— Откуда он знает? — спросил Сева.

— Не знаю. Но он был очень уверен. Как человек, который знает секрет.

Дедушка Саша отложил инструмент и сел на старый ящик.

— Знаете, мальчики, я однажды знал человека, который так боялся проиграть, что начал выигрывать нечестно. И знаете, что с ним стало? Он разучился радоваться победам. Поэтому что в глубине души знал — он не победил, он обманул.

— А Гошин папа такой? — спросил Миша.

— Не знаю. Но Гоша точно боится, что его папа проигрывает. Это видно по тому, как он говорит — слишком громко, слишком уверенно. Так говорят люди, которые пытаются убедить самих себя.

Бублик подошёл к дедушке и положил голову ему на колено. Пёс умел чувствовать, когда люди говорят о важном.

Ночные тени и утренний свет

Ночью Сева не мог заснуть. Он думал о машине, которая стояла теперь на улице. «Пусть подышит звёздным воздухом», — сказал дедушка. Думал о Гоше и его страхе.

Думал о том, что значит победить.

Он встал и подошёл к окну. Машина стояла под фонарём, и её красный бок блестел, как спина большого спящего животного. Рядом с ней стояла чья-то тень.

Сева тихо вышел во двор. Бублик пошёл с ним — молча, как старый товарищ.

У машины стоял незнакомый мальчик с бутылкой в руках. — Что ты делаешь? — спросил Сева тихо, чтобы не испугать.

Мальчик вздрогнул и обернулся. Это был Филипп из параллельного класса — тихий, незаметный мальчишка, который всегда сидел на последней парте.

— Гоша сказал... сказал залить это в бак. Сказал, что иначе расскажет всем про мою двойку.

В бутылке был сахарный сироп. Сева понюхал и вздохнул.

— Знаешь, что будет, если залить это в бак?

— Машина... сломается?

— Машина замолчит. Может быть, навсегда. Она старая, ей трудно будет переварить такое. Это как... как сломать гитару перед концертом. Или вырвать из книги последнюю

страницу — перед тем, как дочитать последнюю главу, где разгадка и самый важный вывод.

Филипп опустил бутылку. В свете фонаря было видно, что он плачет.

— Я не хотел. Но Гоша...

— Гоша боится, — сказал Сева. — Люди делают плохие вещи, когда боятся. Иди домой, Филипп. И вылей сироп в раковину. Пусть лучше уйдёт в канализацию, чем в сердце машины.

Утро гонки

Утро было туманным. Солнце пробивалось сквозь дымку, превращая мир в акварельный рисунок. На картодроме собиравались люди и машины.

Папа Гоши ходил вокруг своей синей машины с видом человека, который уже победил. Сам Гоша стоял рядом, но в его глазах не было радости — только напряжение.

— Вы предупредили остальных? — спросил папа Севы.

— Мы проверили все машины на рассвете, — ответил дедушка. — Всё чисто. Видимо, Филипп никому ничего не залил.

— Он правильно поступил, — сказал папа. — Хотя порой трудно сказать «нет», когда тебя запугивают.

Красная «семёрка» стояла среди других машин и выглядела самой спокойной. Как будто она уже всё решила и теперь просто ждала.

— Дедушка, мы выиграем? — спросил Сева.

Дедушка задумался, потом улыбнулся:

— Знаешь, я хочу проехать эти круги так, чтобы машина была довольна. Чтобы она вспомнила свою молодость. А кубок... кубки пылятся на полках. А вот воспоминания живут много дольше.

Часто участие важнее победы

Танец на асфальте

Гонка началась не с рёва моторов, а с тишины. Той особенной тишины, которая бывает перед важными событиями. Даже Бублик перестал дышать на секунду.

Потом флаг взмыл вверх, и машины ожили.

Красная «семёрка» не рванула вперёд, как другие. Она начала плавно разгоняться, словно вспоминая, как это — мчаться по кругу. Дедушка вёл её бережно, как ведут в танце партнёршу, которую давно не видел.

На третьем круге машина Гошиного папы начала дымить. — Что это?! — закричал Гоша.

Оказалось, кто-то залил сахарный сироп в расширительный бачок системы охлаждения. Не в бензобак — тогда бы машина сломалась серьёзно. А так — случился перегрев двигателя, неприятно, но поправимо.

— Кто-то перепутал в темноте, — тихо сказал папа Севы. — Или специально залил не туда. Чтобы научить, но не навредить.

Сева посмотрел на Гошу, который стоял в толпе зрителей. Тот смотрел на дымящую машину с выражением облегчения и грусти одновременно.

Смена колёс и смена взглядов

На десятом круге дедушка заехал на пит-стоп. Не потому, что это было необходимо — просто он обещал Севе дать поменять колёса.

— Помни, — сказал папа, — это не гонка на скорость. Это разговор с машиной.

Сева откручивал гайки и чувствовал, как машина тихо вибрирует под его руками. Она была тёплой и живой. Каждая гайка откручивалась со своим звуком — у старых вещей всегда есть свой голос.

Бублик помогал по-своему — он сидел рядом и внимательно следил, чтобы ни одна гайка не укатилась. Когда одно колесо покатилося прочь, пёс не бросился за ним с лаем. Он просто встал на его пути и остановил — спокойно, как останавливают друга, который идёт не туда.

Зрители аплодировали, но не громко. Это были аплодисменты не восторга, а уважения — к мальчику, который умеет разговаривать с машиной. И к псу, который понимает важность момента. И к старой машине, которая всё ещё помнит, как это — быть быстрой.

Последний круг

На последнем круге случилось то, что обычно называют драмой. Мотор красной «семёрки» закашлял. Не от болезни — от усталости. Старое сердце устало биться в молодом ритме.

— Включи печку, — сказал папа по рации. — Охлади мотор.

Но дедушка не стал. Он просто сбавил скорость и поехал так, как было комфортно машине. Жёлтая «шестёрка» обогнала их. Потом зелёная «тройка».

Красная «семёрка» пришла к финишу третьей.

— Мы проиграли? — спросил Миша.

— Мы дошли до финиша и не сломались, — ответил дедушка, вылезая из машины. — Все вместе — я, машина, наша команда. Разве это не победа?..

Гоша подошёл к ним. Его лицо было странным — облегчённым и потерянным одновременно.

— Мой папа... он не доехал.

— Твой папа узнал что-то важное сегодня, — мягко сказал дедушка. — И ты тоже. Иногда не доехать до финиша — это тоже результат. Может быть, даже более важный, чем кубок.

Вечер после гонки

Вечером в мастерской было тихо. Не пусто — тихо. Красная «семёрка» стояла на стоянке и остывала, тихонько потрескивая металлом. А на полке добавился небольшой кубок за третье место.

— Она довольна, — сказал дедушка, глядя тёплый капот.

— Откуда ты знаешь? — спросил Сева.

— Слышишь? Она поёт.

Сева прислушался. И правда — где-то в глубине мотора был еле слышный звук, похожий на мурлыканье большой металлической кошки.

Бублик подошёл к машине и лёг рядом. Он тоже умел слышать песни старых вещей.

— Дедушка, а что такое победа? — спросил Сева.

Дедушка долго молчал, потом сказал:

— Победа — это когда ты сделал то, что считал правильным. И неважно, какое место ты при этом занял. Важно, что ты можешь посмотреть в зеркало — или на свою машину — и не отвести глаза.

За окном наступал вечер. В мастерской пахло машинным маслом, старым металлом и чем-то ещё. Может быть временем, а может быть просто покоем. Где-то далеко всё ещё шумел город, спешили люди, гнались за победами. А здесь, в мастерской, была тишина понимания.

Машина тихонько пела свою металлическую песню. И в этой песне не было ни грусти, ни радости — только долгая память о дорогах и мягкая усталость хорошо прожитого дня.

Словарь для тех, кто хочет понимать машины

Карбюратор — место, где воздух встречается с бензином. Как перекрёсток двух дорог, где рождается энергия движения.

Воздушный фильтр — хранитель чистого дыхания. Собирает в себя пыль всех дорог, чтобы мотор дышал только чистым.

Пит-стоп — пауза в движении. Момент, когда можно остановиться и подумать, правильно ли ты едешь.

Система охлаждения — то, что не даёт сердцу машины перегреться от собственного жара. У людей это называется благоразумием.

Расширительный бачок — место, куда уходит лишнее, когда становится слишком горячо. У людей таким местом часто бывает тишина.

Задание для думающих механиков

Старые вещи помнят больше, чем новые. Найди дома самую старую вещь и попробуй представить её историю. Где она была? Что видела? О чём могла бы рассказать?

Нарисуй её мысленно или на бумаге. А затем опиши её путешествие во времени.

Вопрос без ответа:

Если машина может устать, грустить и радоваться — значит ли это, что у неё есть душа? Или это мы даём ей частичку своей души, когда долго с ней работаем?

Подумай об этом, когда будешь засыпать. Иногда самые важные ответы приходят во сне.

История 2. Крылья над облаками

О тех, кто мечтает летать

В старом аэроклубе на краю города время текло по-другому. Здесь оно не спешило, а кружило, как самолёт перед посадкой, выбирая правильный момент для приземления.

Сева стоял в ангаре и смотрел на пустое место между двумя самолётами. Пустота была особенной — она имела форму. Форму того, чего здесь не хватало.

— Видишь? — спросил дедушка Саша, проводя рукой по воздуху. — Здесь стоял «Небесный странник». Старый би-план 1947 года. Однажды утром его просто не оказалось на месте.

— Самолёты не исчезают, — заметил Сева. — Они слишком большие, чтобы потеряться.

— Но иногда они прячутся, — дедушка присел на ящик с инструментами. — Когда им становится грустно, что про них забыли.

Бублик обнюхивал бетонный пол. На полу были масляные пятна — следы самолёта, как отпечатки пальцев. Пёс чихнул — пахло старым керосином и чем-то ещё. Может быть, тоской.

Мама Севы зашла в ангар с термосом чая. Она иногда при-

ходила сюда — ей нравилось рисовать самолёты. «У них есть душа», — говорила она. «Особенно у старых. Они помнят небо, каким оно было раньше».

— Мама, а самолёт может обидеться? — спросил Сева.

Мама задумалась, наливая чай в крышку термоса:

— Знаешь, я думаю, что любая вещь, которую любили, а потом забыли, чувствует себя одинокой. Даже если это просто металл и дерево.

Человек, который «на ты» с небом

Старый механик Фёдор Павлович сидел в своей каморке и чинил высотомер. Его пальцы, искривлённые артритом, двигались удивительно точно.

— Фёдор Павлович, — Сева присел рядом, — а вы помните «Небесного странника»?

Старик поднял глаза. В них было что-то странное — не грусть, но что-то похожее на неё.

— Помню. Он был... особенным. Лётчик Василий на нём летал. Они понимали друг друга без слов. Василия уже нет, и с тех пор самолёт никто не трогал.

— И он исчез?

— Или ушёл, — тихо сказал Фёдор Павлович. — Некоторые самолёты не могут жить без своего пилота. Как собаки, которые не могут жить без своего хозяина.

Бублик, услышав про собак, подошёл и положил голову на колени старику. Фёдор Павлович погладил пса дрожащей рукой.

— Но самолёты не могут ходить, — логично заметил Сева.

— Не могут, — согласился старик. — Но иногда находят люди, которые помогают осуществить задуманное.

Письмо, которое прилетело с ветром

Папа нашёл письмо совершенно случайно. Оно лежало на крыле учебного Як-52 — просто сложенный листок, придавленный камешком.

«Ищите там, где небо касается земли. Где птицы учатся летать, а самолёты учатся приземляться. Он ждёт того, кто поймёт».

— Загадка, — сказал папа, показывая письмо Севе. — Кто-то хочет, чтобы мы нашли самолёт.

— Или кто-то проверяет, достойны ли мы его найти, — добавила мама, рассматривая почерк. — Смотрите, буквы дрожат. Наверняка писал старый человек.

— Фёдор Павлович? — предположил Сева.

— Возможно. Но зачем ему прятать самолёт?

Папа достал карту окрестностей и разложил её на крыле самолёта.

— «Где небо касается земли»... Это может быть холм. Или край поля, где садятся самолёты.

— Или старая полоса, — вдруг сказал дедушка. — За лесом есть заброшенная взлётная полоса. Там во время войны был запасной аэродром.

Дорога через лес

Они шли через лес — папа, мама, дедушка, Сева и верный Бублик. Лес был старый, полный шорохов и теней. Деревья росли так густо, что небо было видно только узкой полоской.

— Странно идти к самолёту пешком, — заметил Сева. — Они же созданы для неба.

— Иногда, чтобы научиться летать, нужно сначала научиться ходить, — философски заметил дедушка Саша.

Бублик бежал впереди, приносиваясь. Вдруг он остановился и залаял. Между деревьями виднелось что-то большое, укрытое старым брезентом.

Но это был не самолёт. Это был старый ангар, почти полностью заросший плющом. Дверь была приоткрыта, словно кто-то ждал гостей.

— Осторожно, — предупредил папа. — Конструкция старая, может обрушиться.

Но ангар был на удивление крепким. Внутри пахло сеном и машинным маслом. И там, в полумраке, стоял он — «Небесный странник».

Биплан — с двумя крыльями — надёжный самолёт

Самолёт, который не хотел быть музейным экспонатом

Биплан был красивым. Даже под слоем пыли было видно, что за ним ухаживали. Пропеллер блестел, словно его недавно полировали.

— Кто-то приходит сюда, — сказал папа, проводя пальцем по крылу. — Смотрите, свежие следы.

В углу ангара сидел Фёдор Павлович. Он не прятался — просто сидел на старом ящике и смотрел на них без удивления.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — Мальчик с собакой, которые умеют слушать. Я видел, как вы разговариваете с машинами.

— Зачем вы спрятали самолёт? — спросил дедушка Саша без упрёка, с пониманием.

— Не спрятал. Спас, — Фёдор Павлович встал, опираясь на палку. — Новый директор аэроклуба хотел продать его в музей. Представляете? В музей! Где он будет стоять за верёвочкой, и дети будут тыкать в него пальцами.

— Но в музее его увидят многие люди, — заметила мама.

— Увидят, — кивнул старик. — Но не услышат. А этот самолёт ещё может летать. У него есть голос — звук мотора. У него есть дыхание — ветер в крыльях. В музее он станет просто вещью.

Разговор о праве летать

Сева подошёл к самолёту и положил руку на нижнее крыло. Оно было прохладным и гладким, как кожа спящего дракона.

— А если его вернуть в аэроклуб, он будет летать?

— Нет, — грустно ответил Фёдор Павлович. — Никто не умеет на нём летать. Это особенный самолёт, с характером. Василий был единственным, кто мог с ним договориться.

— Я бы попробовал научиться, — тихо сказал папа. — У меня есть лицензия пилота.

Старик посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы не понимаете. Это не просто научиться управлять. Это... это как научиться понимать чужие сны. Каждый самолёт летает по-своему. А этот — он летает воспоминаниями.

Мама вдруг заговорила:

— Фёдор Павлович, а что если не прятать его и не отдавать в музей? Что если сделать так, чтобы люди приходили к нему сюда? Не как в музей, а как в гости к старому другу?

План, который родился из тишины

Они сидели в ангаре на старых ящиках и пили чай из термоса мамы. Даже Бублик получил своё печенье и теперь довольно хрустел в углу.

— Мы можем рассказать директору, что нашли самолёт, — медленно говорил папа. — Но предложить оставить его здесь. Сделать филиал аэроклуба.

— Лесной ангар, — добавил Сева. — Где старые самолёты могут отдыхать.

— И куда будут приходить те, кто хочет не просто посмотреть, а понять, — продолжила мама.

Фёдор Павлович молчал. Потом достал из кармана ключ и протянул Севе.

— Это от замка зажигания. Василий просил передать тому, кто будет достоин. Я думаю, ты вырастешь и научишься. У тебя есть главное — ты слышишь, когда машины говорят.

Сева взял ключ. Он был тёплым, как будто всё это время лежал в чьей-то ладони.

Возвращение

Обратно самолёт вели на буксире. Папа и дедушка Саша толкали его, управляя хвостом. Мама шла впереди с фонарём, освещая дорогу. А Сева вёл Бублика на поводке, чтобы пёс не лез под колёса.

Фёдор Павлович шёл сбоку и что-то тихо говорил самолёту. Может быть, объяснял, что его ждёт в будущем. А может быть, просто по-дружески подбадривал.

Когда они вышли из леса, солнце уже садилось. Самолёт в закатном свете выглядел золотым, как в своей молодости.

— Смотрите, — сказала мама, показывая на небо.

Над ними, очень низко, пролетела стая журавлей. Они кричали — не грустно, а приветственно, как будто узнали старого друга.

— Они помнят его, — сказал Фёдор Павлович. — Он часто летал рядом с птицами. Василий говорил, что у них можно научиться настоящему полёту.

Новая жизнь старых крыльев

Через неделю в лесном ангаре было чисто и светло. Директор аэроклуба, молодой человек с умными глазами, оказался не таким плохим, как казалось ранее.

— Музей живых самолётов, — сказал он, осматривая биплан. — Интересная идея. Люди смогут не просто смотреть, но и слушать истории.

— И учиться, — добавил папа. — Не управлению, а пониманию. Почему человек захотел летать? Что он чувствует там, наверху?

Сева сидел в кабине пилота. Всё было на своих местах — приборы, ручка управления, педали. Но самолёт молчал. Не грустно — выжидающе.

— Когда-нибудь, — пообещал Сева. — Когда я вырасту и пойму, как говорить с небом, мы полетим.

Бублик сидел на крыле и смотрел вверх. Может быть, он тоже мечтал полетать. А может быть, просто радовался, что все вместе и всё хорошо.

Вечером, когда они уходили, Фёдор Павлович остался. Сева обернулся и увидел, как старик гладит крыло самолёта и что-то шепчет. Наверное, рассказывал про мальчика с ключом в кармане, который однажды поднимет «Небесного странника» в небо.

Словарь неба и земли

Биплан — самолёт с двумя крыльями, расположенными одно над другим. Как этажи в доме, только это крылья для полёта.

Высотомер — прибор, который говорит, как далеко ты от земли. Или как близко к небу — зависит от того, как посмотреть.

Элероны — подвижные части крыла, которые помогают самолёту снижаться и поворачивать. Как руки канатоходца, удерживающие равновесие.

Пропеллер — он тянет самолёт вперёд, разрезая воздух на тонкие ломтики. У старых самолётов он был деревянный.

Замок зажигания — сердце самолёта. Поворот ключа — и мотор оживает. Но иногда ключ — это больше, чем просто кусочек металла. Это символ начала чего-то хорошего.

Задание для тех, кто смотрит в небо

Найди старую вещь, которую кто-то хотел выбросить или забыл. Подумай:

— Какая у неё была жизнь раньше?

— Кто её любил?

— Можно ли дать ей новую жизнь, не такую, как прежде, но тоже важную?

Иногда спасти — это не вернуть всё как было, а найти новый смысл.

Вопрос, на который у неба нет ответа:

Почему люди мечтают летать, если родились без крыльев? Может быть, крылья — это не то, что растёт из спины, а то, что растёт из мечты?

И ещё: если самолёт больше не летает, остаётся ли он самолётом? Или становится чем-то другим — например, хранителем памяти о полётах?..

История 4. Секрет затонувшего корабля

О том, что прячется под водой

Озеро лежало за городом как забытое зеркало — мутное, с трещинами камыша по краям. Люди редко приходили сюда. Разве что рыбаки, да и те говорили, что рыба тут странная — слишком задумчивая.

Сева сидел на старом причале и смотрел в воду. Вода смотрела в ответ, показывая ему его же лицо, только немного печальнее.

— Знаешь, что интересно? — сказала мама, устраиваясь рядом. — Под водой всё выглядит иначе. Не хуже и не лучше — просто иначе. Как будто смотришь на мир через чужие очки.

Она рисовала озеро, но на её картине оно было живым — дышало мелкой рябью, моргало солнечными бликами.

Бублик лежал на досках причала и внимательно следил за водомерками. Они бегали по воде, не проваливаясь, и пёс никак не мог понять этот фокус. Иногда он тихонько гавкал на них — не зло, а вопросительно.

— А что, если под водой есть другой мир? — спросил Се-

ва. — Не с рыбами, а... другой?

— Он там точно есть, — ответила мама, не отрываясь от рисования. — Мир того, что упало, утонуло, было забыто. У каждого озера есть своя память на дне.

Находка, которая ждала

Миша прибежал запыхавшийся, с мокрыми до колен штанами.

— Сева! Я нашёл! То есть, не то, чтобы нашёл, оно само нашлось! Короче, смотри!

Он протянул что-то, завёрнутое в водоросли. Когда Сева очистил находку, оказалось, что это маленький кораблик — не игрушечный, а настоящий, только очень маленький. Медный, позеленевший от времени, с крошечной мачтой и штурвалом размером с пуговицу.

— Где ты это взял?

— Он застрял в корнях старой ивы, там, где мелко. Как будто приплыл и причалил. И смотри! — Миша открыл крошечную дверцу каюты.

Внутри, свёрнутая в трубочку, лежала промасленная бумага. Карта. Настоящая карта с крестиком и всем полагающимся.

— Сокровища? — выдохнул Сева.

— Или чья-то игра, — заметил подошедший папа. Он возвращался с рыбалки всего с парочкой рыбин, но довольный — порой процесс важнее, чем результат.

— Хотя... бумага старая. И кораблик настоящий, видишь клеймо? Мастерская Григорьева, 1952 год.

Человек, который делал корабли для великанов

Дедушка Саша знал эту историю.

— Григорьев был интересным и необычным человеком, — рассказывал он, разглядывая кораблик через лупу. — Делал модели кораблей, но не простые. Он говорил, что делает их для великанов, которые живут в облаках. Мол, великаны смотрят сверху на наши озёра и моря, и для них нужны маленькие корабли, чтобы играть.

— Но великанов не существует, — заметил Миша.

— Откуда ты знаешь? — спросил дедушка. — Может, мы для кого-то тоже как муравьи, и кто-то огромный смотрит на нас сверху и думает, что мы не существуем.

Бублик залаял — он явно был не согласен считать себя муравьём.

— А карта? — напомнил Сева.

Дедушка развернул её осторожно. На пожелтевшей бумаге были нарисованы контуры озера, и в самом глубоком месте стоял крестик.

— Сорок метров, — прочитал папа надпись. — Глубоко для ныряния.

— Значит, нужно построить подводный аппарат! — воскликнул Сева.

Разговор о глубине

Вечером за ужином дедушка Саша спросил:

— Сева, а зачем тебе то, что на дне? Может, оно там не просто так лежит, а потому что должно там лежать?

— Но это же тайна!

— Не все тайны нужно разгадывать, — мягко сказал дедушка. — Иногда тайна интереснее разгадки. Как сам подарок бывает важнее того, что внутри.

— Но если не открыть подарок, то не узнаешь, что там, — возразил Сева.

— И сохранишь возможность мечтать об этом, — улыбнулась мама.

Папа отложил книгу:

— А я думаю, если кто-то оставил карту — значит он хотел, чтобы её нашли. Иначе зачем она? Это как письмо — если написал, значит, хочешь, чтобы его прочитали.

— Или это проверка, — добавил дедушка. — Найдёт тот, кто сможет. Это как испытание. Как в старых сказках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.